

Песни Заратустры

Фридрих Ницше
Песни Заратустры

1.

Не сердитесь на меня за мой покой: я только устал, я не был мертв, нестройно звучал мой голос, но то были лишь бред и храпенье во сне, то была песнь утомленного, а вовсе не гимн смерти, не увлечение прелестью небытия.

2.

Еще бушует непогода, но уже тихо, величественно спускается над полями во всем своем блеске царство Заратустры.

3.

Я привык к высотам, я сроднился с ними. Я не вздымаю своих глаз вверх. Я — один из тех, которые смотрят сверху вниз, из тех, которые рождены для того, чтобы благословлять: все благословляющие смотрят сверху вниз.

4.

Для подобного честолюбия разве эта земля не слишком мала?

5.

Все я роздал, все свои богатства: ничего больше у меня не осталось, кроме тебя, великая надежда!

6.

Что случилось? Мельчает море? Нет, это растет царство мое. Новый внутренний огонь вздымает его.

7.

Мое неземное блаженство! Свет моего сегодняшнего счастья бросает уже тень на него.

8.

О, эта увлекательная глубина! Что раньше принимали за звезду, теперь стало пятнышком.

9*.[1]

Эх вы, чопорные мудрецы! По мне — весь мир игра.

10.

Шуми, ветер, шуми! Развей все мое спокойствие.

11.

Я начал с того, что разучился сострадать самому себе.

12.

Обломки звезд — из них я создал себе мир.

13.

Не то важно, что ты свергнул идола, — а то, что ты в себе уничтожил идолопоклонника, — именно в этом твоя отвага..

14.

Вот они, неуклюжие гранитные чудовища, искони веков дорогие людям. Горе тебе! Как? Ты имеешь намерение уничтожить их? Отвратительные чудовища со связанными лапами, они сидят неподвижно и дышат ядом.

15.

Мое горячее сердце охлаждается от созерцания каменной красоты.

16.

Истины, которые ни от кого еще не удостоились улыбки, зеленые, терпкие на вкус, невыносимые истины окружили меня. Истины, пригодные только для наших ног! Из-за них так и хочется пуститься в пляс!

17.

Моя мудрость засверкала молнией — алмазным мечом она рассекла весь окутавший меня мрак.

18.

Этот камень преткновения, эту мысль мыслей, кто ж ее создал? Сама жизнь создала ее себе, это величайшее препятствие; и вот через него, через свою собственную мысль жизнь перескакивает теперь... С этой мыслью я увлекаю за собой грядущее.

19.

Мысль моя подобна раскаленной жидкой лаве: но всякая лава, затвердевая, тем самым строит себе препятствие; всякая мысль также стесняется всевозможными “правилами”.

20.

Такова теперь моя воля; и с тех пор, как это стало моей волей, все происходит по моему желанию — это было верхом моей мудрости: я потребовал того, что я должен, и этим я покорил себе всякое “должен”... С тех пор для меня не существует никакого “ты должен”.

21.

Любитель загадок! отгадай, куда девалась моя добродетель? Она убежала, так как испугалась расставленных мною для нее удочек и сетей.

22.

Сами волки дали обо мне благоприятный отзыв, сказав мне: “Ты огрызаешься еще лучше, чем мы, волки”.

23.*

На войне обман — залог победы. Шкура лисы — этой мой тайный панцирь.

24.

Где опасность, я тут как тут. Я тотчас вырастаю из-под земли.

25.

Мы роемся, охотясь за новыми сокровищами, мы — новые рудокопы. Когда-то у древних считалось безбожным из-за сокровищ тревожить недра земли. И теперь проявляется такое же безбожие: разве вы не слышите из

глубины земли тревожного шума и бурления?

26*.

Ты предстаешь предо мною, неумолимый сфинкс, как и мое любопытство, что меня привело к тебе. И что же, я есмь вопрошающий, как и ты, эта бездна нам обоим знакома — мы могли бы вещать одними устами!

27.

Я тот, которому нужны клятвы чести: лишь этим клянись мне.

28.

Искать любви и находить всегда личины, предательские личины, которые надо срывать!

29.

Люблю ли я вас?... Так любит всадник свою лошадь: она привозит его к цели.

30.

Его сострадание черство, его рукопожатие крепко до боли — такова рука колосса!

31.

Вы боитесь меня? Боитесь натянутого лука? Беда, если кто-нибудь вложит в него стрелу!

32.

“Новою тьмою ты сам себя окутал, новую пустыню обрел ты своим львиным прыжком”.

33.

Я только фабрикант слов: а что в словах — то во мне!

34*.

Ах, друзья мои! Куда исчезло то, что считалось “благим”? Где все, нареченные благими? Где невинность обманов их? Я все считаю благим: листья, траву, счастье, удачу и благодатный дождь.

35.

Не о грехах человека и его величайших глупостях, но скорее о его совершенстве беспокоился я, когда так сильно страдал за человека.

36.

“Человек зол” — так говорили мне в утешение все мудрецы.

37.

Как только я сам себе становлюсь в тягость, тогда начинаю я и вами тяготиться.

38*.

Уж слишком скоро я вновь повеселел: и что теперь сможет изменить во мне враг мой?

39.

Я снисходителен к людям и случайностям, снисходителен к каждому существу, к каждой травке: солнечное

пятно на склонах зимних... влажный от нежности теплый ветерок занесенных снегом душ.

Высокомерен же я к мелким выгодам: там, где я вижу длинные пальцы торгашей, мне хочется всегда укорить их, — этого требует от меня мой утонченный вкус.

40.

Подобно зеркалу, я тускнею от всякого постороннего дыхания.

41.

Вы, маленькие люди, доверчивые, чистосердечные, но у вас в домах маленькие двери: лишь низость способна войти через них. Как же я смогу войти через городские ворота? Я разучился жить среди карликов!

42.

Моя мудрость подобна солнцу: мне хотелось быть их светочем, но я ослепил их; солнце моей мудрости погубило слабые глаза этих летучих мышек...

43*.

Сколь мрачно и скверно глядишь ты, чернее любого из пророков: ведь никому из мудрецов не суждено преодолеть подземелье блуда.

44.

Назад! Вы идете за мною так близко по пятам! Назад! а то моя истина раздавит вас!

45.

“Кто шествует твоей дорогой, попадет в ад”. Прекрасно! Свою дорогу я вымощу добрыми изречениями.

46.

Скажите мне, ваше божество — божество любви? А угрызения вашей совести — наказание божества, наказание из любви?

47*.

Ты, обезьяна Бога своего,
ужели мнишь себя лишь обезьяной?

48.

Они пережевывают камни и лежат навзничь перед маленькими кругляшками; они поклоняются всему, что не падает, эти последние жрецы, верующие в действительность!

49*.

Без жен и без снеди, пропащие,
удел ваш — пуга созерцание,
О, образов мерзость смердящая,
ты — похоти Божьей создание!

50*.

Из ничего себе измыслили вы Бога;
ужели диво, что Он ныне стал ничем?!

51.

Вы, высокоразвитые люди, признайте, что были времена и более сильные и более проникнутые мыслью, чем наше время.

52.

Наше время — это нервная женщина. — Дайте ей кричать, неистовствовать, ругаться, перепрокидывать столпы и бить посуду!

53.

Вы, отчаивающиеся! Сколько мужества придаете вы тем, кто является свидетелем вашего отчаянья!

54.

Правда ли, что вы поднялись, вы, лучшие люди? Простите, но мне кажется, что вы, подобно мячу, подпрыгнули вверх, ударившись о землю своими худшими качествами? Не опережаете ли вы сами себя, вы, поднимающиеся?..

55.

Ах, если бы от тебя можно было ожидать презрения там, где ты оказываешь только отречение!

56*.

Люди согласно вторят лишь одному припеву:

Нет, нет в неведомом нам прока!
Царство Небес — сплошь маета!
Жить в царствии земном без срока
И править им — наша мечта!

57.

Мораль для страдающих ленностью: кому нечего делать, тот из ничего создает себе работу.

58.

Тебе не по силам более она, твоя властительница — судьба? Возлюби ее, тебе больше ничего не остается.

59.

Чтобы избавиться от всех страданий, выбирай одно из двух: быструю смерть или продолжительную любовь.

60.

В нашей смерти все мы уверены, почему же не быть нам в спокойном настроении?

61.

Я скрыл от вас худший довод: жизнь стала скучной — устраните ее, чтобы она вновь приобрела для вас вкус!

62.

Одинокие дни, вы стремитесь бодрее ступить!

63.

Одиночество не сеют — оно созревает само... И поэтому ему необходимо еще солнце в качестве друга.

64.

Ты должен вновь вмешаться в толпу: в толпе человек крепнет и закаляется. Одиночество тяготит, одиночество губит...

65.

Когда на одинокого нападает великий страх, когда, обратившись в бегство, он все бежит, сам не зная куда... Когда вслед за ним бушует буря, в лицо ему сверкает молния, когда из зияющей перед ним бездны появляются приводящие его в ужас призраки, что тогда?..

66.

Что нам в вас, грозовые тучи? Нам — свободным, воздушным, веселым духам?

67.

То, что тяготит тебя, брось в глубину моря! Забудь его, забудь! Способность забывать — это божественный дар! Хочешь летать, хочешь жить на высотах — брось то, что гнетет тебя, в море! Вот оно, море, бросься сам в него! Способность забывать — это божественный дар!

68.

Так ты любопытен! Можешь ли ты видеть то, что не видно простым глазом? Чтобы видеть это, надо иметь еще глаза на затылке!

69.

Смотри вперед! Не смотри назад! Тот, чья мысль проникает до самой сути, падает в глубину пропасти.

70.

Избегай предостерегать отважного! Этим предостережением ты только скорее побудишь его броситься в бездну!

71.

Зачем он бросился с высоты? Что склонило его к тому? Его склонило сострадание ко всему, что стоит ниже его: и вот лежит он — разбитый, бесполезный, ко всему безучастный.

72.

Куда отправился он? Кто знает? Но очевидно — он погиб. Закатилось светило в пустынном пространстве, пустынной стала и местность, которую оно освещало.

73.

Чего у нас нет, но что нам нужно — надо взять себе: так я обрел чистую совесть.

74.

Где тот, который признал бы, что ты прав? Так признай сам себя правым!

75.

О волны! Вы, чудные красавицы! Вы сердитесь на меня? Вы гневно журчите? За этот глупый гнев я ударяю веслом по вашим гребням. Но этот челн вы сами еще помчите к бессмертию!

76.

Все, живущее рядом, скоро сживается с вами; отсюда является привычка. Где долго сидишь, там возникают

обычай.

77.

Когда не стало слышно ни одного нового слова, вы из старых слов сотворили закон: где жизнь начнет коснеть в рутине, там всегда возникает закон.

78.

Раз нежелательно, чтобы то или другое мнение было опровергнуто, значит ли это, что оно — истинно? О, простодушные!

79.

Силен ли ты? Силен ли телом или духом? Горд ли ты? Горд ли настолько, чтобы не стыдиться своего тщеславия?

80.

Берегись сделаться барабанщиком своей судьбы! Беги вон от шума минутной славы! Кому не пришлось быть слишком рано признанным, тот не растратит своих способностей

81.

Хочешь ухватиться за колючий терн? Но ты поранишь им пальцы. Лучше возмись за меч!

82.

Ты слаб? Тогда будь осторожен со своими руками! Ребенок не может обойтись без того, чтобы не сломать чего-нибудь,

83.

Щади все, что имеет нежную кожу! Зачем же ты хочешь соскабливать всю оболочку?

84.

Твои великие мысли, что исходят из сердца, и все твои маленькие мысли, что исходят из головы, — разве не все они одинаково плохи?

85.

Вот стоит он предо мной, убежденный в своей правоте. Мизинец ноги его более сведущ в правах, мизинец более смыслит о правах, чем моя голова со всеми ее мыслями, — прямо-таки чудовище добродетели в светлой одежде!

86.

Он повторяется, он уже устал, он старается идти теми же путями, по которым ему недавно приходилось идти, — а раньше он любил все неизведанное... Он духовно сгорел не потому, чтобы сильно верил, но потому, что у него не достало больше мужества во что-либо верить.

87.

Для непостоянного человека надежное убежище — темница! Как должны быть спокойны духом преступники, уже изобличенные! Угрызения совести испытывают только люди, одаренные чуткой совестью.

88.

Слишком долго сидел он в заключении, этот беглец! Слишком долго находился он под страхом палки

тюремщика. Теперь боязливо ступает он своей дорогой, на каждом шагу спотыкается, тень палки и та уже заставляет его спотыкаться.

89.

Вы со своими узкими сердцами подобны клеткам или прокуренным, прокопченным лачугам. Как! и вы захотели быть свободными духом!

90.

Что толку? Ваше сердце узко, а ум ваш лишен самостоятельности и заключен в тесную клетку.

91.

Узкие сердца, сердца торгашей! Когда деньги прячутся в сундук, то и душа за ними туда же уходит!

92.

Колодники богатства, мысли которых холодны, как цепи. Они придумали себе священнейшую скуку, сопровождаемую страстным желанием будней и работы.

93.

Они оклеветали своих счастливых соперников, когда над теми собралась гроза. Во врагов ведь всегда в таких случаях пускают стрелы или ядовитую клевету... Мое счастье — приносить им горе; мое счастье оставляет этих завистников в тени; они зябнуть и не дозревают без света.

94.

Они любят людей, но, увы, нелюбимы сами. Они разрывают на части собственное тело с отчаянья, что никто не хочет заключить их в свои объятия... Они отвыкли питаться мясом, шутить с женщинами — они поглощены заботой о судьбе народа.

95.

Разве вы — женщины, что хотите страдать из-за того, кого вы любите?

96*.

В их душах течет молоко; о, горе! Их дух совсем прокис!

97.

Уж не холодность ли их задерживает мою память? Разве я чувствовал когда-нибудь, как пылает и бьется мое сердце?

98.

Как они холодны, эти ученые! Хоть бы молния ударила в их пищу, может быть, тогда в их рот попало бы немножко огня небесного.

99.

Смысл их речей — чепуха! Их остроумие основано на отговорках вроде “но” и “однако”.

100.

Ваша фальшивая любовь к прошедшему — любовь могильщиков; это — воровство у жизни; воровство у будущего, Ученый, изучающий старье, — могильщик по ремеслу, живущий среди гробов и опилок!

101.

О, эти поэты! Седлая пегасов, некоторые из них сами бывают похожи на жеребцов в том случае, когда ржут на целомудренного мудреца.

102.

Из поэтов только тот способен говорить правду, кто умеет сознательно и непринужденно лгать.

103.

Гоняться за истиной: не значит ли это — гоняться за счастьем?

104.

Истина — не лучше женщины: под маской стыдливости она скрывает свое лукавство. То, что ее более всего привлекает, она знать не хочет и закрывает лицо руками... Чему же уступает она? Только силе! — Так будьте же тверды, употребите в ход силу, вы, мудрейшие! Вы должны покорить ее, эту стыдливую истину!.. Для ее счастья необходима сильная власть, — она ведь не что иное, как женщина!

105.

Мы были дурного мнения друг о друге... Мы были слишком далеко друг от друга. Теперь же, принужденные жить в одной тесной хижине, связанные общою участью, как можем мы теперь оставаться врагами? Уж теперь приходится в любви жить, раз нельзя избегать друг друга.

106.

“Люби своего врага, не мсти разбойнику за его грабеж”, - женщина слышит это и поступает именно так.

107*.

Кому подобает красота? Только не мужчине — красота способна сокрыть естество мужчины, а таким — кому и на что он годен? Будь открытым...

108.

Прекрасное тело — только покрывало, за которым стыдливо прячется нечто еще более прекрасное.

109.

Прекрасные глаза с бархатными веками далеко не всегда ясно смотрят; они глядят открыто на того только, кого уважают.

110.

Тусклые глаза редко светятся любовью, но раз они полюбят, из них блеснет молния, как из тех волшебных золотых чертогов, где дракон стоит на страже любви...

111*.

Упрямец, неспособный ужиться в браке с женою своею, как впрочем и с самим собою, скоро обретает в собственном лице свирепого дракона для своего жилища, но в первую очередь — для самого себя.

112.

Он уже сердится и сердито растопырил локти, его голос хрипит, его глаза блещут медно-купоросным цветом.

113.

Небо в пламени, море на тебя скалит зубы — море извергает нас!

114.

Всякий полководец руководствуется следующим правилом: “Не давай покоя ни победителю, ни побежденному!” Будь подобен путешественнику, который, зная, что его на каждом шагу могут задержать, запасася оружием...

115.

“Для чего-нибудь и дым полезен”, - говорит бедуин, и я согласен с ним: не возмещаешь ли и ты, дым, тому, кто находится в пути, близость гостеприимного очага?.. Усталый путник — по громкому лаю он легко узнает цепного пса.

116.

Это раки, к которым я не питаю ни малейшей симпатии: возьмешь в руки — щиплются, выпустишь — пятаются назад.

117.

Светящийся, игривый ручеек попал в кривую лощину между скал: как же он освободится? Среди черных камней блещет он яркими цветами, выражая свое недовольство.

118.

Преследуя высшую цель, великие люди, как и великие реки, не идут к своей цели прямо; их великое мужество в том, что они не боятся извилистых путей.

119.

За пределами северных стран, льдов, сегодняшнего дня, за пределами смерти стоит в стороне наша жизнь, наше счастье! Ни сушей, ни морем ты не можешь найти дороги к гиперборейцам: так пророчили нам мудрые уста

120.

Хочешь расположить их в свою пользу? Обратись к ним с наставлением, как к заблудшим овцам: “О, прости, прощай ваш прежний путь, ведь вы сошли с него!” Они следуют за каждым, кто так льстит им. “Как, — говорят они про себя, — у нас был путь: значит, действительно, у нас был намечен какой-то путь!”

121.

Ночь; над кровлями снова плывет тучное тело месяца. Из всех котов самый ревнивый, ревниво смотрит он на всех влюбленных — этот бледный, толстый месяц с человеческим лицом. Поглощенный страстью, крадется он по всем темным уголкам, забирается в полуоткрытые окна, точно влюбленный толстяк, дерзко выступивший на запретный путь.

Примечания

1

Здесь и далее переводы, отмеченные *, выполнены Р.В. Грищенковым. — Прим. ред.